

Александр Багаев

Презумпция лжи

Александр БАГАЕВ

ПРЕЗУМПЦИЯ ЛЖИ

Первоо. 2013

Copyright © 2014 Alexander Bagaev

All rights reserved.

ISBN: 978-952-286-836-7

ISBN-13: 9789522868367

Publisher: Books on Demand GmbH, Helsinki, Finland

Print: Books on Demand GmbH, Norderstedt, Germany

От автора

Будучи по профессии переводчиком-международником, я вот уже скоро тридцать лет имею дело главным образом с политической и исторической публицистикой. И ещё со временем выработал привычку записывать некоторые особо меня впечатляющие вещи, в основном в форме документальных зарисовок или рассказов от своего же первого лица. Ну и как-то так повелось, что первым читателем многих моих очерков часто становится старшая сестра по прозвищу «Сестричка».

А у Сестрички одно из любимых светских развлечений — предлагать в компании друзей подумать, желательно вслух, и дать свой вариант ответа на заданный ею вопрос типа: «Кто, по-твоему, Писатель XX-го века?». Или: «Кто, по-твоему, Балерина XX-го века?».

Позапрошлым летом сестра с мужем в очередной раз приезжали к нам в гости. Мы, как обычно, отправились в какой-то неблизкий туристический путь на автомобиле и по дороге развлекали себя очередной Сестричкиной «загадкой» (выясняли, кто Комедийный киноактёр XX-го века). А потом как-то невзначай разговор перескочил на мой новый очерк, который Сестричка накануне прочла на сон грядущий. И вот как она выразила своё первое впечатление:

«Если бы меня спросили, веком чего я назвала бы XX век, я бы ответила: Веком лжи.»

Потом подумала и добавила:

«Потому что мы его прожили, живя с презумпцией лжи в головах.»

Какое-то время после этой Сестричкиной реплики мы ехали молча. И вот тогда-то, пока мы молчали, у меня в голове из моих переводческих рассказов начала складываться книга, которую с тех пор написал и предлагаю теперь на суд читателя.

Название для неё честно сохранил именно то, что, сама не подозревая, подсказала Сестричка. Хотя если судить по получившемуся результату, то не менее точным был бы и другой вариант; вот этот: «Дьявол – в деталях».

ВСТУПЛЕНИЕ

Заблуждения в переводе

УЖЕ восемьдесят лет тому назад знаменитый датский лингвист Отто Есперсен в одном из своих выступлений говорил:

(В Европе) насчитывается 120 живых языков, и даже если не учитывать те, на которых говорят меньше 1 миллиона человек, то всё равно останется 38, используемых и как литературный, и как разговорный языки... Все они взаимочуждые, и случись двум представителям разных национальностей захотеть пообщаться между собой, то тогда, если только один из них не утрудит себя — а речь о действительно серьёзном труде — и не выучит язык собеседника, или если оба они не выучат какой-нибудь общий для них третий язык, им неизбежно потребуется переводчик. О том, сколько таможенных пошлин собирается, когда границы пересекают различные товары, у нас статистические данные есть. А вот такой статистики, которая отразила бы, сколько всего времени и на каком протяжении тратится каждый год на переводы с одних языков на другие — у нас нет; хотя и очевидно, что бремя собираемых на границах интеллектуальных «таможенных пошлин» гораздо тяжелее, чем бремя пошлин материальных.¹

Данных об этих совершенно особых «пошлинах», наверняка выросших со времён Есперсена на порядки, нет, насколько могу судить, и по сей день. Хотя получить о них представление можно.

НАЧАТЬ проще всего с очевидного — с «пошлин» материальных.

Во времена, когда я работал штатным переводчиком-

¹ Цитаты из иноязычных текстов в этой книге я в основном перевёл сам. Во всех случаях, где позаимствовал чужой перевод, указал его автора(-ов).

синхронистом в Секретариате ООН в Нью-Йорке — на рубеже 80-х годов прошлого века — платило нам международное сообщество в среднем 2 500 — 4 000 долларов в месяц (сегодня эту цифру можно смело умножать на два), а рабочий месяц у нас состоял из 90 рабочих часов. То есть стоила наша услуга в современном выражении примерно 60-80 долларов в час.

На любом заседании любого ооновского органа работало при этом 12 синхронистов — по два на каждый рабочий язык. И, значит, обходилось бесперебойное взаимопонимание между представителями всего человечества в одном конкретном комитете или на одной конкретной ассамблее не менее, чем в 720 долларов в час, или 4 500 долларов в день.

А таких комитетов и ассамблей только в штаб-квартире в Нью-Йорке могло работать одновременно и десять, и даже больше. Получается поэтому пятьдесят-шестьдесят тысяч долларов в день, по самому минимуму, только в одной — хотя и самой крупной — международной организации и только в одной — хотя и самой напряжённой — точке планеты. И только на разговоры; а есть ведь ещё и документы, которые точно так же все переводятся.

Дальше, в принципе, можно было бы точно так же просчитать и остальные, побочные расходы; и не только в международных организациях, а и в международных корпорациях. То есть сосчитать главные статьи мировых материальных «таможенных пошлин», собираемых при переводе, можно — они на поверхности, и, судя по всему, составляют многие миллиарды долларов в масштабах всей планеты.

ОДАКО ЛЮБОЙ, кто и впрямь возьмётся за подобную калькуляцию, сразу увидит, что на самом-то деле правильно всё сосчитать совсем не так просто.

Вот, например, началась одним ноябрьским утром 1981 года в Комитете Генассамблеи ООН, занимающемся правами человека, самая рутинная дискуссия. Одним из первых выступил наш тогда ещё советский делегат: посетовал на проволочку в осуществлении очередной программы по улучшению условий жизни в некой бедной стране, завершил с претензией на риторическое мастерство словами: «А воз и ныне там» — и отключил микрофон.

Через пару минут для внеочередного выступления попросил слова представитель Всемирной организации здравоохранения и с нескрываемой обидой за несправедливо раскритикованную ВОЗ подробно остановился на многих достижениях этой организации на упомянутом поприще. Закончил он, выразив искреннее

недоумение, почему советская делегация эти очевидные всем заслуги недооценивает.

Ещё через пару минут, внеочередного слова с правом на ответ запросил уже наш советский ритор — и не менее скучно стал разъяснять, что Советский Союз в общем и целом высоко оценивает усилия ВОЗа...

И так эта их перепалка могла бы продолжаться и дальше, но тут из нашей русской синхронистской кабины председательствующему передали записку следующего содержания (цитирую, естественно, по памяти):

В первом выступлении представителя СССР заключительный фразеологизм «А воз и ныне там», означающий вполне абстрактно «А движения вперёд не видно», был ошибочно переведён на английский, как «А ВОЗ по-прежнему не достигла никакого прогресса».

На том заседании, помимо нас двенадцати синхронистов, присутствовало десятка три-четыре дипломатов с заработками, сопоставимыми с нашими, ну и ещё пол-дюжины человек занимались всевозможным обеспечением нормального хода работы. И, значит, по уже применённой выше методе можно предположить, что стоил человечеству этот безвозвратно потерянный и ну совсем для него бесполезный час — эдак тысяч пять долларов. По самому минимуму.

И по какой же статье «материальных таможенных пошлин» такой убыток проводить, а главное — как его вычленять и потом учитывать? Во всех-то главных точках планеты, во всех организациях и корпорациях? И как его вообще обозначать?

Я НЕ бухгалтер, не экономист и не финансист: профессионально могу разобраться только во второй, нематериальной части проблемы. И потому у меня, лично, реальный ответ есть лишь на самый последний вопрос «Как обозначать?». На английском языке хорошим вариантом показалось *Lost in translation*, а на русском посчитал эквивалентом — «Заблуждения в переводе». (По-французски: *Egaré dans la traduction*.)

Почему «заблуждения», а не как-то иначе? Потому что если прислушаться, то в этом слове звучат одновременно интеллектуальный тип «таможенных пошлин» и выразительная многозначность слова *Lost*. Ведь в переводе, в котором целиком или частично «потеряна» (*lost*) мысль оригинала, может «потеряться»

уже в смысле «заблудиться» (*get lost*) и сам переводчик, а вслед за ним его слушатель или читатель. Вот эти разные «потеряния», все скопом, и можно с некоторой лингвистической иронией назвать: «Заблуждения».

А ЕСЛИ совсем честно, то стремился я при выборе варианта — уже даже не просто с иронией, а и с некоторым сарказмом — учесть ещё и многозначность слова «перевод».

Ведь говорим мы, и довольно часто: «Перевожу на русский», или «Перевожу с научного языка», или ещё как-то так, в смысле — «Объясняю человеческим языком и доходчиво». Есть в нашем представлении и понимании и такой «перевод»: с русского на русский (и есть он точно так же у носителей всех известных мне языков). И этот «перевод» отнюдь не менее важен, чем перевод без кавычек, связан с ним напрямую и неразрывно, а распространён он и практикуется в мире в масштабах и вовсе на порядки больших, чем моё родное ремесло.

Так что разговор с читателем я затеял, чтобы поговорить о переводческих заблуждениях (обоих типов), корнями уходящих в первую очередь в этот самый перевод с родного языка на родной. Потому что образующееся при пересечении *этой* границы «бремя интеллектуальных таможенных пошлин» уже точно никак не исчислимо, в деньгах во всяком случае. А по своей огромности оно обычным, связанным с «традиционным» переводом издержкам не просто не уступает; оно, по-моему, даже как-то очень весомо и потому тревожно их превосходит. Ведь довольно часто переводчики «заблуждаются» вполне осознанно и преднамеренно, и порой в результате одного такого немеренного «заблуждения» счёт *потерянным* может идти — и идёт — на миллионы людей. На десятилетия. И даже на целые народы и на века.

Что я и попробую показать.

КНИГА 1.

МАКИАВЕЛЛИЗМ В ОРВЕЛЛИАНСКОМ МИРЕ

«Историк всегда исследует лишь осколки, но слишком часто эти обломки лежат возле монументов, возведенных властью... Мы ничего не знаем о ереси, разве что от тех, кто ее преследовал и травил, только по актам ее осуждения и опровержения...»²

Жорж Дюби

Такие (не)простые стереотипы

ЗАБЛУЖДЕНИЕ всегда подстерегает нас и грозит каждому, кто возьмётся читать, слушать или формулировать сам любое рассуждение, построенное по принципу «чужой факт/аргумент/вывод — свой факт/контраргумент/вывод». Это — аксиома. Причём заблуждение не может быть хорошим — и это, наверное, тоже аксиома. Потому-то в жизни вообще, для тех случаев, когда любое заблуждение становится особенно нежелательным, мы и придумали иметь судей. Тех, кто одинаково внимательно и одинаково беспристрастно выслушает обе стороны и потом, взвесив все аргументы обвинения и защиты, примет ясное и недвусмысленное решение.

Называется это у нас — справедливый суд. Потому что только таким путём есть шанс сначала действительно разобраться в предмете спора и потом уж, на основании выясненного, вынести справедливое решение. Но вот в обычной нашей нормальной жизни, при любом чтении, слушании или высказывании о спорных — и уж тем более о «бесспорных» — предметах, когда мы как раз и выносим свои суждения и должны бы потому раз за разом выбирать справедливый и честный судейский подход к делу, такое

2 Перевод с французского Натальи Дульнёвой. Ж.Дюби -- историк-медиевист, член Французской академии.

добросовестное отношение случается совсем нечасто. Если вообще случается: всем некогда, у всех своя нетерпящая отлагательств жизнь.

Есть, однако, помимо судей, как минимум ещё одна профессия, представители которой, как и судьи, вынуждены по должности, чтобы правильно исполнять свои обязанности, с одинаковым вниманием слушать аргументы всех сторон – и невинных чистых дев, и самых отпетых негодяев; и при этом знать и понимать суть, содержание и даже сам специфический язык спора. Это – мои коллеги по ремеслу, переводчики.

Причём переводчик-синхронист в этом смысле находится в положении куда как более сложном, нежели судья. Он не может в процессе «суда» (перевода) объявить перерыв и удалиться в свою комнату, чтобы свериться с толстыми томами кодексов и уложений (то есть со словарями и справочниками). Не может позвать к себе прокурора и адвоката и шёпотом с ними посоветоваться (то есть воспользоваться чужой подсказкой). Любую деталь обсуждаемого предмета-вопроса, любой термин и словечко, любое выраженьице, независимо от того, исходят они от «защиты» или от «обвинения», нравятся они ему лично или нет – все их он должен и может «вытащить» только из одного доступного ему универсального справочника – из собственной головы.

И потому серьёзный профессионал-синхронист всё время, свободное от перевода как такового, вынужден проводить в чтении. Периодики. Спецлитературы. Программ партий. Энциклопедий. Потому что он всегда, повторяю, должен знать предмет не хуже, чем его знают спорщики – и обвинители, и защитники; о чём бы ни взялись они рядиться, будь то библейские древности или кредитные риски на межбанковском рынке репо.

В силу данного обстоятельства у всех нас синхронистов вырабатывается с годами профессиональная привычка, постепенно и незаметно становящаяся второй натурой: без устали читать, чтобы знать «не хуже», и в погоне за этим знанием одинаково упорно искать, находить и слушать аргументы и «защиты», и «обвинения». Потому что в первую и главную очередь важно – знать правильно, или иначе — справедливо, как судья; почитывание же и пописывание исходя из личных эстетических или, скажем, политических пристрастий и антипатий – это когда-нибудь потом, на досуге, в кругу семьи и друзей, коли проснётся и вознамерится поболтать дремлющий внутри каждого из нас *философ*.

В СЛУЧАЕ же с письменным переводом аналогия с трудом

судьи несколько иная.

Всякий судья выслушивает каждое новое дело дважды: сначала как бы с глазу на глаз, знакомясь с ним в тиши своего кабинета, и уже потом прилюдно — в зале заседаний. Примерно так же двигается работа и при письменном переводе.

Ведь серьёзный профессиональный перевод начинается не в тот момент, когда переводчик приступает к переложению первой иноязычной фразы на свой язык, а несколько раньше. Сначала, ещё и не берясь даже за перо, переводчик просто читает текст в оригинале, от начала до конца. И тоже два раза.

Первый раз — именно обыкновенно читает, как любой читатель. Только гораздо внимательнее. Потому что его задача при чтении — не просто интуитивно воспринять, а ещё и обязательно рационально вникнуть во все смыслы текста: и в общую глобальную мысль, ради которой написана книга (или повесть, статья, заметка), и в значение каждого отдельного соображения, из сочетания которых в конце концов сложится глобальная авторская мысль.

Что-то похожее проделывают шахматисты, когда разбирают и изучают чужую партию — ход за ходом — вникают в её стратегию и тактику, и потом играют её до какого-то предела, не задумываясь, уже как свою собственную. Не сомневаюсь потому, что любой писатель может только мечтать, чтобы все его читатели были, как письменные переводчики; ведь внимательнее, чем они (мы), слово на бумаге не читает никто.

Вторая читка всё того же текста имеет целью проверить с привлечением всех известных и доступных справочников и источников правильность своего понимания и всего предмета в целом, и всех вызывающих хоть малейшее сомнение слов и фразеологизмов, специальных терминов и имён собственных, событий и мест их происшествия. Всё это переводчик дотошно разбирает «по всему фронту», выясняя правильность собственного знания и, конечно, его пополняя.

Только после этого он и берётся за перо, чтобы, как и судья, разобравшись досконально в деле, вынести теперь свой справедливый прилюдный приговор.

РАССКАЗАЛ я об этих тонкостях, чтобы подчеркнуть: все упомянутые правила перевода в равной мере применимы и к переводу традиционному, и к «переводу» с русского на русский. К любому, короче, пересказу на понятном языке, который будет читать или слушать доверчивая аудитория: будь то заборная заметка в заводской многотиражке, гневная прокламация на площади или

занудный нечитабельный трактат из области политической философии.

И это пока ещё ни о каких чреватых заблуждениями трудностях перевода разговор не шёл. Это ещё пока было просто напоминание о прилежании, без которого нет и не может быть профессионализма и в том, и в другом переводе. А трудности начинаются вот когда:

Инда взопрели озимые. Рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку. Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился....

Эту знаменитую, вызывающую у меня профессиональный восторг фразу мне как-то пришлось переводить на французский язык. И в ней-то я как раз столкнулся с трудностью. С настоящей. Кто ещё не догадался: речь – о портянке (хотя и *Ромуальдыч*, привычно оборачивающий ноги грязными тряпками, тоже казус хитрый).

Дело в том, что нынешним носителям французского языка этот предмет гардероба не известен. Вообще не известен – как явление Природы. И что тут тогда делать?

Вставлять описательную формулу? Но тогда нарушится чудесный поэтический ритм фразы. Писать, что состарившийся отпрыск некоего Ромуальда судорожно задёргался от духана собственных носков (предмета гардероба вполне общеизвестного)? Дословный смысл всего высказывания – не нарушится, это правда. Но зато нарушится, как бы это сказать... восприятие цивилизационного контекста, что ли.

Потому что ведь для любого русскоязычного портянка – это не просто предмет гардероба. Таким предметом она для нас является только на первом, дословном и утилитарном уровне понимания нашего языка. А на более высоком, мироощущенческом уровне языкового восприятия, портянка для нас – стереотип, то есть символ, через который нам открывается целый образ жизни. В данном случае – нищего старика-плебея, отец которого носил когда-то очень патрицианское имя Ромуальд, да то ли то был амбициозный, ничем не оправданный выпендрёж большого деревенского оригинала, то ли и впрямь было когда-то в семье аристократическое процветание, да всё вышло.

Так что образ очень нам понятный и весьма богатый нюансами, классический стереотип не простого дословного, а сложного мироощущенческого уровня. Перевести который точно и

полно на другой, «беспорядочный» язык, не знающий к тому же фамильярных форм отчества и правил их применения в нашем народном обиходе, можно только с комментарием переводчика, со сноской. Любой другой вариант будет с какой-то потерей, с тем или иным искажением или даже усечением всего смыслового комплекса оригинала.

Ну и вот теперь, понимая, что даже распростекаясь портянкой – как заправский *лапот* – на самом деле совсем не так проста, когда речь идёт о самовыражении и правильном понимании целой нации, можно начинать конкретный разговор о заблуждениях более серьёзных и печальных, в которых могут оказаться — и оказываются — переводчики (в кавычках и без), а вслед за ними и все их доверчивые читатели и слушатели, когда имеют дело с этими (не)простыми стереотипами второго, мироощущенческого уровня.

Ответственность, от которой не избавляет незнание

ТОЛЬКО сначала отвлекусь на минутку и перенесусь в прошлое, в Бельгию, на поля неподалёку от города Ватерлоо, и пусть на дворе будет 18 июня 1815 года, пятый час пополудни.

Потому что в этот самый час генерал Фридрих фон Блюв вывел на поле боя первый из прусских корпусов фельдмаршала Гебхарда Леберехта фон Блюхера, князя Вальштадского. И потому что до этого момента исход сражения не то что не был ясен, а вообще даже всё шло к тому, что гений Бонапарта в который раз одолеет противника. Потому что, наконец, именно в этот час решилась теперь уже окончательно судьба мятежного императора.

Дело в том, что Наполеон накануне отрядил тридцатитысячный отряд маршала Груши с заданием перехватить пруссаков, но Блюхер совершил успешный быстрый манёвр, большая часть его корпусов успела проскочить до подхода замешкавшегося Груши, и – генералы Блюхера появились на поле боя со свежими войсками в самый критический момент. В результате Наполеон проиграл не просто сражение – всю свою эпоху.

Ну и вот попробуй теперь, читатель, пофантазировать и представить себе, что ты – простой строевой офицер в том роковом образе опоздавшем заградительном отряде. Что ты – ветеран наполеоновских войн, в своём императоре души не чающий и жизнь за него готовый отдать без малейшего колебания. И что через

несколько дней после сражения стало известно: Груши – не замешкался. Груши ваш отряд «притормозил» совершенно сознательно. Потому что Груши – предатель Наполеона. И получилось, что все вы, весь отряд, сами того не ведая и уж точно не желая, стали соучастниками самой подлейшей мерзости, какую только можете себе вообразить.

Вот какие вас охватят чувства в такой ситуации?

После Цусимы наши молодые флотские офицеры – абсолютно ни в чём не виноватые – стрелялись, будучи не в силах вынести позора. Какого именно позора – не знаю, это только они сами знали. Может – позора поражения в бою. Может – позора для Отечества. Может – какого-то ещё. Важно, однако, в моём рассуждении не точное установление причины, а то, что даже будучи лично абсолютно ни в чём не виноватым, в некоторых ситуациях ответственности всё равно не избежать. Если, конечно, ты человек чести.

Да простит мне маршал Груши эту дурацкую фантазию. Он в реальной жизни никогда никого в бою не предавал. В битве при Нови, прикрывая отступление разбитых Суворовым французов, получил четырнадцать – четырнадцать! – ранений. При Ватерлоо до самого конца честно исполнял все приказы своего императора. Когда главное дело уже кончилось, и Наполеон бежал – Груши, не зная об этом, ещё несколько часов добивал прусский арьергард у Вавра. И добил, и увёл свой отряд в целостности и сохранности в намюрскую крепость. А затем – собрал остатки разбитой армии, совершил организованный марш и занял оборонительную позицию перед Парижем. Хотя это и не могло уже ничего изменить.

Смысл этого аллегорически-романтического отступления был вот в чём. Во всех моих последующих рассказах не будет поиска лично виноватых — хотя бы потому, что их почти и нет (правда, в масштабах всего Человечества). Но мне тем не менее не хотелось бы, чтобы из-за этого сложилось впечатление, что, коли очевидно виноватых среди нас нет, то никто ни за что и не несёт ответственности. Потому что, как я только что попытался аллегорически продемонстрировать, ответственность есть всегда. Другое дело — осознаёшь ли ты её, какова мера твоих ума,

профессионализма и чести.

На основе этого понимания и построен мой первый рассказ, который не только по всем своим внешним признакам, но и по сути – абсолютно макиавеллианский.

ВОТ как среднестатистический читатель это определение – *макиавеллианский* – понимает? Как, вообще, все мы его обычно понимаем в целях и того, и другого перевода (иначе говоря, в процессе усвоения мысли)?

Ответ напрашивается сам собой, причём на любом языке во всём сегодняшнем образованном мире: это что-то коварное, что-то от нас скрытое, что-то явно не в наших интересах. Какой-то неблагоприятный происк какой-то злой силы, исповедующей один главный принцип: цель оправдывает средства, и для её достижения все они хороши.

Почти аксиома. Но если есть хоть малейшее сомнение, жёсткие правила перевода безоговорочно требуют проверки.

Поэтому беру словарь и смотрю, каково вполне устоявшееся, нормативное значение этого слова. Например, статья из английского толкового словаря после двух обычных притяжательных значений приводит ещё и третье:

Макиавеллианский. ...3. Отличающийся особой или беззастенчивой хитростью, лживостью или неискренностью (*Random House Unabridged Dictionary*).

Дальше ради достижения наибольшей правдоподобности затеянного эксперимента обращаюсь к самому доступному в мире и потому самому используемому на сегодня источнику справочной информации: просматриваю, что на сей счёт пишет «Википедия».

В русскоязычной статье о Макиавелли сказано:

Исторически его принято изображать тонким циником, считающим, что в основе политического поведения лежат выгода и сила... Впрочем, такие представления скорее следует отнести к исторически сформировавшемуся имиджу Макиавелли, чем к объективной реальности.

Во франко-язычной статье уже даже звучат страстные нотки, а аргумент всё тот же, но более обоснован:

Изначально, в благородном смысле макиавеллизм

относится к концепциям Никколо³ Макиавелли, изложенным в его политических произведениях. При таком его понимании «макиавеллизм — это попытка выставить на всеобщее обозрение лицемерие общественной комедии, выявить те чувства, которые на самом деле подвигают людей на те или иные поступки, очертить истинные конфликты, образующие ткань исторической поступи, и изложить лишённый каких бы то ни было иллюзий взгляд на то, что же такое есть в *реальности* общество.»⁴

А в англоязычной статье и вовсе заявлено прямо и недвусмысленно:

В современном языке определение *макиавеллианский* используется с уничижительным, негативным смыслом, но такое его приложение ошибочно...⁵

И что же получается? *Заблуждение?*

РАЗОБРАТЬСЯ, откуда и почему возник такой дуализм во вроде бы нормативном толковании («переводе») давно привычного и понятного «макиавеллизма», на самом деле не так уж и сложно.

Прежде всего надо вспомнить, что в своей главной, фундаментальной работе «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли написал вот такие довольно знаменитые строки⁶:

Книга I, Глава XII. О том, сколь важно считаться с религией и как, пренебрегая этим, по вине римской Церкви Италия пришла в полный упадок

Государи или республики, желающие остаться неразвращенными, должны прежде всего уберечь от порчи обряды своей религии и непрестанно поддерживать к ним благоговение, ибо не может быть более очевидного признака гибели страны, нежели явное пренебрежение божественным культом. ...

Если бы князья христианской республики сохраняли религию в соответствии с предписаниями, установленными ее

3 Имя Макиавелли произносится с ударением на последний слог: Никколò.

4 В статье цитируется очерк Рэймона Арона. Курсив автора.

5 *The pejorative term Machiavellian as it is used today... is... a misnomer.*

6 Эта и последующие цитаты из «Рассуждений...» в переводе Р.Хлодовского

основателем, то христианские государства и республики были бы гораздо целостнее и намного счастливее, чем они оказались в наше время. ... Тот, кто рассмотрит основы нашей религии и посмотрит, насколько отличны ее нынешние обычаи от стародавних, первоначальных, придет к выводу, что она, несомненно, близка либо к своей гибели, либо к мучительным испытаниям.

...дурные примеры папской курии лишили нашу страну всякого благочестия и всякой религии, что повлекло за собой бесчисленные неудобства и бесконечные беспорядки... мы, итальянцы, обязаны Церкви и священникам прежде всего тем, что остались без религии и погрязли во зле.

В этом рассуждении Макиавелли нужно для наших целей отметить, как главное, вот что: он в желательной с его точки зрения системе государственного устройства не осуждал и не отрицал религию. Наоборот, он развёрнуто и определённо указал на её крайнюю важность и потому обязательную необходимость. Но при этом недвусмысленно подразумевал подчинённость Церкви — т.е. культового административного учреждения — светским князьям (правителям государств).

А ведь практически во всей тогдашней — католической — Европе руководителем всего и вся считался и на практике являлся верховный церковный чиновник, папа римский. И потому этот Макиавеллиев тезис означал прямой вызов существовавшему повсеместно устройству государственной жизни. Всего несколько сухих и бесстрастных абзацев — но в них фактически изложены основания, на которых тогда могла бы быть осуществлена форменная революция во всех европейских государствах.

ТЕПЕРЬ читаем коротенький отрывок из прекрасного очерка, который посвятил Макиавелли известный английский публицист и историк первой половины девятнадцатого века Томас Маколей:

Нет никаких оснований считать, что окружавшие его люди находили его произведения шокирующими или нелепыми. Напротив, сохранилось более, чем достаточно, доказательств того, что и к нему, и к его работам современники относились с большим уважением. Его книги были опубликованы под патронажем самого папы Климента VII, а неподобающим для христианина чтением их объявили только поколение спустя, на Тридентском соборе. Он,

На основе рассекреченных архивов, малоизвестной зарубежной мемуарной и биографической литературы Александр Багаев, переводчик-международник с почти сорокалетним стажем, предлагает читателю пристальнее взглянуть изнутри на механизмы большой пропаганды XX века и реабилитировать добрые имена некоторых её жертв.

